

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ИЗ ПЕРЕПИСКИ
П.А.ВЯЗЕМСКОГО И
П.И.БАРТЕНЕВА

Петр Андреевич Вяземский

Из переписки П.А.Вяземского и П.И.Бартенева

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24525607

Аннотация

«Не имею сочинений Хомякова, о которых Вы пишете, и не знаю, получу ли их здесь. Читал я только предисловие к ним Самарина. Оно хорошо написано и умно, как все, что пишет Самарин, но при всем том чего-то нет, и есть излишек того, чему быть бы не следовало...»

Содержание

1 Вяземский – Бартеневу [Ед. хр. 153. Л. 9]	4
2 Вяземский – Бартеневу [Ед. хр. 153. Л. 1]	7
3 Бартенов – Вяземскому [Л. 84]	9
4 Вяземский – Бартеневу [Ед. хр. 561. Л. 109]	11
5. Бартенов – Вяземскому [Л.92]	13
6. Бартенов – Вяземскому [Л. 93]	14

Петр Вяземский **Из переписки** **П.А.Вяземского** **и П.И.Бартенева**

1 Вяземский – Бартеневу **[Ед. хр. 153. Л. 9]**

Царское Село, 4 ноябрь 1868

Не имею сочинений Хомякова, о которых Вы пишете, и не знаю, получу ли их здесь. Читал я только предисловие к ним Самарина. Оно хорошо написано и умно, как все, что пишет Самарин, но при всем том чего-то нет, и есть излишек того, чему быть бы не следовало. Я очень понимаю, что светский писатель может быть религиозен; но не люблю, когда светский писатель идет в богословы. Светскому писателю можно присвоить себе духовную и нравственную часть религии; но толковать о различии исповеданий и выдавать свое за наилучшее и за настоящее [9 об.] почитаю делом совершенно неуместным и неприличным. Тем более, что Церковь, которую эти господа так усердно защищают, обыкновенно не признает их своими законными защитниками. Из

этого может выходить и выходит соблазн, или раскол. Когда управлял я Министерством Просвещения, я хлопотал о пропуске богословских статей, печатаемых за границую Хомяковым, и не успел в том вследствие отказа духовной цензуры.

Самарин называет Хомякова *учителем церкви*. Какой же это учитель, которого ученики не слушаются и отвергают? В самом своем предисловии Самарин не очень щадит наше духовен[10]ство. А как бы то ни было, хорошо ли оно или худо, но все же одно духовенство законный представитель церкви нашей пред народом. Выдумывать какую-то церковь, которая сама собой держится, есть своего рода отвлеченность и протестация, то есть протестанство, которое также началось протестом против духовенства. Пожалуй, будь оно и так, и будь оно полезно, но такое действие довольно странно и противоположительно со стороны тех, которые выдают себя сынами и воинами православия. Книга об окраинах России, кстати будь здесь сказано, есть, по моему мнению, что-то вроде воздвижения памятника Кольцову в Воронеже. Пожалуй, пиши об окраинах и воздвигай памятник ко[10 об.]му хочешь; но ни в том, ни в другом случае нет насущной потребности.

А у нас много еще таких потребностей, которых удовлетворение гораздо важнее и потребнее.

Вот опять Вам несколько камешков для сооружения и мне памятника, то есть посмертной моей биографии, которую Вам завещаю, за смертью Шевырева.

«почерком Вяземского:»

Все это здесь набросалось потому, что мы завалены здесь снегом, как в Камчатке, и не могу за неимением лыжей пуститься в прогулку пешком.

Вместо ног дал я мыслям своим прогуляться.

Весь Ваш Вяземский

2 Вяземский – Бартеневу

[Ед. хр. 153. Л. 1]

Петербург, 20 декаб^ря 1868

В стихах о Бородине заметили мне несколько опечаток, искажающих размер стиха. Напр., *тобой* вместо *тобою* и т. п. Оттиска у меня теперь нет под глазами, и потому не могу Вам в точности указать на неисправности, но Вы благоволите проверить и исправить. Не скрою от Вас, что вообще жалуются на частые опечатки «Архива». Даже намереди в Государственном Совете речь шла о том. Опечатки есть род неуважения, неряшества пред публикою. Надобно являться перед нею в галстухе, с застегнутым гульфиком в штанах и так далее. Покорнейше благодарю за присылку 10 экземпляров Бобринского, но попрошу еще поболее. Статья здесь имеет [1 об.] довольно много успеха. Пономарев прислал мне следующие здесь библиографические списки, с просьбою передать их Вам. Сделайте одолжение, дайте им местечко в каком-нибудь закоулке Вашего «Архива». Он, бедный, очень болен, кажется, чахоткою, и, вероятно, недолговечен. Надобно его потешить. Потешьте его и высылкою ему Вашего «Архива» на будущий год. Он уже заслужил это возмездие. В Ливадии переписал он письма мои к Дмитриеву, которые у Вас напечатаны, и вообще был моим усердным секретарем.

У него много биографических и библиографических отметок, которыми могли [2] бы Вы воспользоваться. Не худо было бы Вам поэтому войти с ним в сношения. Но предупреждаю Вас, что вследствие болезни он мнителен, щекотлив и раздражителен. Как бережно и осмотрительно ни обходился я с ним, но иногда и на мне отзывались эти болезненные его расположения.

Адрес его:

Степану Ивановичу Пономареву. Киев, в квартире генерала Короваева, директора Военной гимназии.

«почерком Вяземского:»

Что же, будете ли сюда на праздники? Милости просим! У меня есть кое-какие бумаги, в которых могли бы Вы покопаться и почитать. Совершенно Вам преданный Вяземский

3 Бартенев – Вяземскому [Л. 84]

Москва. 31 генв<аря> 1869

Я виноват перед Вами, но не до такой степени, как изволите писать. Все указанные Вами ошибки обретаются и в рукописи, но когда я с этою эрратою кинулся в типографию, вышло, что там все уже было оттиснуто. Всего приготовлено 600 экз. из них 200 отдано на комиссию здешнему и Петербургскому Базуновым, 100 послано к Вашему Сиятельству (через Академию) и остальные у меня, из коих 50 я продал уже книгопродавцам. Если все это распродается, позвольте мне напечатать на мой счет еще особо, в лучшем относительно бумаги и исправности виде. Винюсь и низко кланяюсь за незлопамятность.

Куда выслать деньги? Не изволите ли видать Екатерину Ивановну Розе, и не примете ли на себя труд доставить ее от меня деньги? Тогда бы я вместе прислал их.

[84 об.] Прекрасное письмо Сперанского о Карамзина Истории я уже получил. Буду дожидаться Вашей присылки и вместе с нею напечатается и поправка, присланная княгинею Марьею Аркадиевною, за которую искренно ей благодарен. Надо бы составить родословную всей этой замечательной семьи Столыпиных. Я хотел записать в Остафьеве, но не успел.

Письма Бальмена в корректурных листах я послал для того, чтобы Наполеона портрет не измялся и для того, что Вам

будет их любопытно прочитать вперед. Теперь печатаю 1818 год, за который эти письма особенно любопытны.

Изволили ли получить 10 листов «Войны и мира»? Еще есть готовых 7-мь, но са[85]мая книга бог весть когда выдет.

Власть катаров все еще надо мною тяготеет.

Печатаю 4-й выпуск «Архива» и думаю до мая выпустить их 6-ть, дабы летом непременно предпринять куда-либо отдохновительное путешествие: не труд тяжел, а тяжка мелочная, не прерывающаяся забота.

Еще раз благодарю ото всего сердца за то, что преложили гнев на милость.

Душевно Вашему сиятельству преданный Петр Бартенев

4 Вяземский – Бартеневу

[Ед. хр. 561. Л. 109]

Петербург, 3 фев[раля] 1869

«В дороге и дома» получено мною не 25, а 20 экземпляров. Записка о Глинке и письма его очень интересны. Но спросите от меня Одоевского объяснения, как могла музыка Глинки иметь *политическое значение и противодействовать впечатлению, остававшемуся после проделок Аракчевых и Магницких?*

Ни в каком случае не признаю за музыку, какая бы она ни была, такого влияния, а либретто Розена, сколько мне помнится, из рук вон плохо. В 1836 году никто не думал ни об Аракчеве, ни о Магницком.

Принимаю, с чувством смирения и любви к ближнему, Ваше покаяние. Но зачем портить его [109 об.] увертками с больной головы на здоровую. Может быть, некоторые ошибки и обретаются в моей рукописи, хотя и мудрено. Я перечитывал ее несколько раз сам и заставлял ее читать, читал ее и Никитенко и отметил описки. Во всяком случае, ясно и явственно было, что не могло быть *друг в друг* и тому подобное, и так далее. Но дело сделано, и воротить его нельзя, а следовательно, и говорить о нем более нечего. О новом издании также нечего думать. И первое вполне не сойдет с рук,

хотя и застрахованное памятью Жуковского. Когда деньги со [110] берутся, то пришлите их сюда. Г-же Розе также охотно передам все, что Вы заставите. Жаль мне только, что Вы выслали книгу на комиссию к Базунову. Он большая дрянь. Я попробовал дать ему на продажу несколько экземпляров о Бобринском. Он ни одного объявления о них в газетах не напечатал, и я их отобрал обратно и я никакого дела иметь с ним вперед не хочу. Я просил Никитенко распорядиться о продаже Бородинской брошюры. Увидим, что будет. Я здесь никакого [110 об.] книжного люда не знаю: ни пишущего, ни продающего. И те, и другие равно мне гадки. А вот Вам предстоит книжная афера, вместе с наследниками Бальмена. Отпечатайте письма его особою брошюрою. Она в Париже и в Лондоне, нет сомнения, разойдется прекрасно.

Неужели в Москве имело успех «Горячее сердце»? Тут никакого горячего сердца нет, а есть только горячка автора. В театре я комедии не видал, а читал ее в журнале. Что за грязь и что за сумбур! Так и несет кабаком. А между тем нет и кабацкой истины. Все это на ходулях, все это ложь и в самих характерах противоречие за противоречием. Я никогда не признавал в Островском большого таланта, а теперь убежден, что он должен быть глуп.

«почерком Вяземского на полях» И нет ни одного журнала, в котором порядочному человеку можно было бы прокричать: караул!

Совершенно Вам преданный Вяземский

5. Бартенов – Вяземскому [Л.92]

27 февраля 1869. Москва

Приехавший сюда гр. Лев Толстой действительно отыскал в книге «Воспоминания очевидца о Москве 1812 г.» (М., 1862) рассказ о том, как император Александр Павлович раздавал на балконе Кремлевского дворца *фрукты* теснившемуся народу. На основании этой находки своей он написал возражение на Ваши строки об его книге, 5-й том которой вчера наконец свалился долой с корректурных рук моих.

Жду с нетерпением стихов о Норове для сдачи в типографию. Геннади кончил свою краткую, но дельную статейку.

Вашему сиятельству душевно преданный П. Бартенов

6. Бартенев – Вяземскому [Л. 93]

2 марта 1869 Москва

Сегодня похоронили мы князя Одоевского в Донском монастыре, возле Благовещенской церкви. Он был болен очень легко всего четверо суток. Соболевский, эти дни беспрестанно бывавший в библиотеке, отзывался о его болезни (простуде, соединенной с икотою) как о самой незначительной. Утром в четверг (27 февр.) я получил записку от Соболевского, который писал, что Одоевский становится опасен. Оказалось, что накануне еще до ночи сидел он с своим другом музыкальным археологом свящ. Разумовским и совершенно покойно толковал о крюках (нотных). Ему было лучше, и спать он лег как ни в чем не бывало. Ночью внезапно заболел у него бок, и он сам потребовал доктора, который нашел его в беспамятстве, и с тех пор до 3 часов дня, т. е. до кончины, он не имел сознания (бредил о нотах). Ему отворяли кровь; она пошла, но сознание не возвращалось, и он заснул [93 об.] вечным сном без малейших страданий. Княгиня почти целые сутки не хотела верить, что его уже нет, стала плакать только на другой день, и на могиле видел я ее совсем убитую, с потрясающим выражением горя в каждой черте лица. Он лежал в проходной библиотечной комнате, что из столовой в кабинет. На лице его было значительное, умное выражение, и ничего страшного. Что-то кроткое по-

стоянно примешивается к воспоминанию об этом человеке. Один из докторов говорил мне, что икота была следствием лечения под колоколом: он уже два года ездил дышать сгущенным воздухом – новое лечение грудных болезней. – Похоронами распоряжался [94] гр. Толь. Молодые Свербеевы не отходили от гроба, и кроме очередных панихид, совершаемых Леонидом, пелись беспрестанно тут же заказные. Его любимый древний напев раздавался и за обеднею.

Теперь скажу Вам несколько слов о пошлом нашем житейском. Гр. Толстой настаивает давно, чтоб я напечатал возражение против Вашей статьи. Я не отказывался, но ставил условием, чтобы указан был источник показания о бисквитках (Из-за этого была целая переписка). Приехав сюда, он читал мне новое возражение, в котором утверждается, что бисквиты и фрукты одно и то же. Я опять не отказывался [94 об.] напечатать, но не иначе, как с моим примечанием и с тем, чтобы я предварительно показал статью Вам. Решено было, что он мне ее отдаст, переписав. Теперь слышу, что он уже уехал назад в деревню. Этот человек, вследствие своего пламенного воображения, совсем разучился отличать то, что он читал, от того, что ему представилось. Тем не менее 5-й том, ныне к Вашему сиятельству посылаемый, содержит в себе вещи истинно художественные.

Что у меня осталось брошюр о Бородине высылаю завтра. Душевно Вашему сиятельству преданный Бартенев